

Немецкий трудовой лагерь для польских детей на ул. Пшемыслова в Лодзи (1942–1945)

Немецкие функционеры инспектируют швейную мастерскую в лагере (Архив ИНП, Отдел в Лодзи).

«Сначала мы не осознавали, какой это лагерь и какие будут здесь условия, поскольку этих условий мы не знали. Чем дольше мы здесь были, тем более жесткой становилась дисциплина и тем легче было заметить, что все это ведет к тому, чтобы нас замучить, извести».

Стефан Марчевский, род. в 1930 г. в Лодзи, попал в лагерь в возрасте 14 лет.

После завершения Второй мировой войны память о немецком трудовом лагере для польских детей на ул. Пшемыслова в Лодзи – находящемся в Лодзинском гетто (*Litzmannstadt Ghetto*) – стала ослабевать, а почти все его остатки уничтожились. В 60-е годы XX века, когда здесь начали строить жилой район, границы лагеря стерлись. В 1968 г. история лагеря возродилась, когда коммунисты начали в Польше антисемитскую кампанию. Однако больше всего материалов насчет лагеря собрала Окружная комиссия по исследованию гитлеровских преступлений в Лодзи, которая с 1969 г. вела расследование по этому вопросу. В декабре 1970 г. в Лодзи задержали бывшую лагерную функционерку Эугению Пол (Геновефу Польш), которая во время войны подписала фолькслист и работала в лагере с 1943 г. Ее судили в 1972–1975 годах и на основании собранных материалов приговорили к 25 годам тюремного заключения. Выносящий приговор в процессе Эугении Пол Воеводский суд в Лодзи не подтвердил информацию бывшего заключенного лагеря и функционера Воеводского управления общественной безопасности во Вроцлаве Юзефа Витковского (Юзефа Гацека), что в лагерь попали в целом ок. 15 000 несовершеннолетних и что только 900 из них выжило. Поэтому суд и

Окружная комиссия по исследованию гитлеровских преступлений в Лодзи постепенно снижала число заключенных лагеря, а также число его жертв. Согласно окончательным данным, в немецком лагере в Лодзи пребывали от 2000 до свыше 3000 польских детей. Число умерших и убитых в лагере не превысило 200 человек, хотя известны имена и фамилии лишь трети из его жертв. Независимо от этого история немецкого трудового лагеря для польских детей на ул. Пшемыслова в Лодзи требует дальнейших исследований и популяризации, чтобы память о нем сохранилась среди будущих поколений и чтобы истории его жертв стали известными современному поколению.

Реконструированные главные ворота на ул. Пшемыслова 27 в Лодзи (пункт «Е»), через которые на территорию лагеря въезжали новоприбывшие заключенные (Мультимедийная карта немецкого трудового лагеря для польских детей на ул. Пшемыслова в Лодзи/ИНП, Отдел в Лодзи).

На основе материалов из процессов, аэрофотоснимков и показаний свидетелей был реконструирован внешний вид немецкого лагеря. Воспроизвели его структуру, форму зданий и бараков, добавили показания заключенных и связали их с соответствующим местом. Таким образом была создана визуализация, которая поможет лучше понять характер этого места, приблизить его историю и популяризировать вопросы страданий польских детей в период Второй мировой войны.

Реконструированное здание лагерной комендатуры на ул. Пшемыслова 34 в Лодзи (пункт «31»), позади него видны интендантское здание (пункт «28»), а также деревянная будка трубача (пункт «29») (Мультимедийная карта немецкого трудового лагеря для польских детей на ул. Пшемыслова в Лодзи/ИНП, Отдел в Лодзи).

Идея создания лагеря для польских детей возникла уже летом 1941 г., а ее автором был начальник Земельного ведомства по делам молодежи (нем. *Landesjugendamt*) в Катовице Альвин Брокманн. Проектом заинтересовался главный инспектор немецких концентрационных лагерей Освальд Польш, который 28 ноября 1941 г. получил согласие своего начальника Генриха Гимmlера на создание лагеря. Полезной оказалась также позитивная оценка юриста доктора Ганса вон Мутхесиуса, который подчеркнул «необходимость изоляции малолетних поляков и воспитания их посредством труда, чтобы они не деморализовали немецких детей». Образцом послужил действующий с 1941 г. лагерь для несовершеннолетних немцев в Моринген (Mohringen/Solling) в земле Нижняя Саксония, где держали в заключении также молодежь из Чехословакии и Польши.

Поверка заключенных (Архив ИНП, Отдел в Лодзи).

В июне 1942 г. от Лодзинского гетто немцы отделили 5-гектарный участок, предназначив его для трудового лагеря для польских детей. Закрытая зона находилась в гетто в квартале сегодняшних улиц Гурнича (*Robert Straße*), Эмилии Плятер (*Max Straße*), Брацка (*Ewald Straße*) и Пшемыслова (*Gewerbe Straße*).

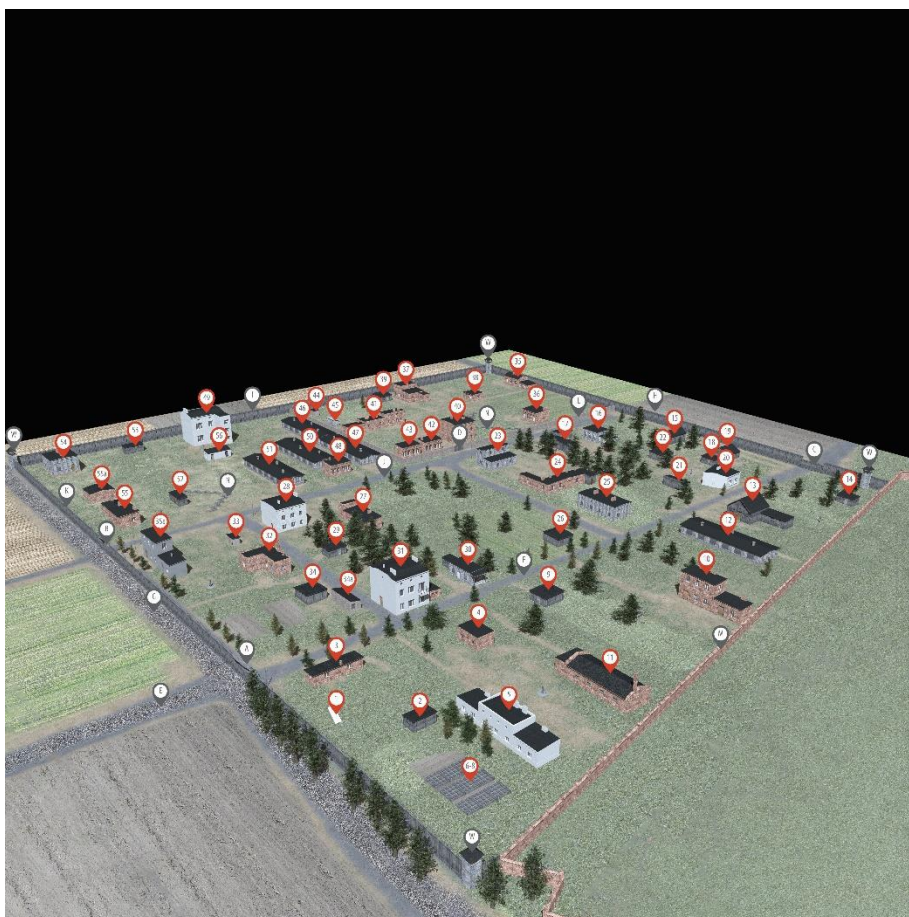
Первые заключенные в лодзинском лагере были зарегистрированы 11 декабря 1942 г., хотя формально он начал действовать уже на десять дней раньше. Официально его называли «Превентивный лагерь Полиции безопасности для польской молодежи в Лодзи» (нем. *Polenjugendverwahrlager der Sicherheitspolizei in Litzmannstadt*).

Зона для мальчиков занимала ок. 75 процентов территории лагеря, а зона для девочек и самых младших детей обоего пола занимала остальное пространство и была создана только в начале весны 1943 г. Для нужд лагеря использовались свыше десяти существующих каменных и деревянных зданий. Весной 1943 г. поручили постройку нескольких тюремных бараков компании, осуществлявшей похожие инвестиции в немецком концентрационном лагере Майданек. Построили также несколько уборных, хозяйственных сооружений, а также теплицы, гаражи, почту и разного рода склады, хотя для этих нужд нередко приспосабливались и существующие здания.

Реконструированная сторожевая вышка с оградой (пункт «W») (Мультимедийная карта немецкого трудового лагеря для польских детей на ул. Пшемыслова в Лодзи/ИНП, Отдел в Лодзи).

С трех сторон был воздвигнут трехметровый забор из плотно примыкавших друг к другу досок, наверху которого разместили колючую проволоку. Со стороны примыкавшего к лагерю еврейского кладбища преградой была кирпичная стена, которую надстроили до уровня деревянного забора. Главные ворота находились в начале ул. Пшемыслова, которая до войны доходила только до ул. Брацка, но с ней не скрещивалась. А вот в лагерных условиях ул. Пшемыслова удлиннили и превратили в т. н. *Lager Straße*, т. е. главную лагерную аллею, которую дети укрепили щебнем и шлаком. В этом месте проходили проверки и обычно именно здесь наказывали заключенных. Аллея проходила в направлении ул. Гурнича, на которой, в свою очередь, находились ворота поменьше для еврейских рабочих, телег со снабжением и фургонов, вывозивших больных детей в больницу или их тела на католическое кладбище св. Войцеха на ул. Курчаки 81. Третьи наружные ворота располагались со стороны ул. Брацка и проходили по оси нынешней ул. Тадеуша Мостовского (*Roderich Straße*). Недалеко от них устроили караульную, и именно сюда, начиная с 1944 г., приводили детей на свидание с родителями. Внутри лагеря находились еще одни ворота, через которые можно было попасть из главного лагеря в подлагерь для девочек.

План лагеря с реконструированными объектами в изометрической проекции (Мультимедийная карта немецкого трудового лагеря для польских детей на ул. Пшемыслова в Лодзи/ИНП, Отдел в Лодзи).

Для нужд лагеря были использованы свыше десяти довоенных зданий, которыми раньше на протяжении двух лет были вынуждены пользоваться жители гетто. Важнейшим объектом в лагере за двадцать пять месяцев его существования была комендатура, расположенная в довоенном здании на ул. Пшемыслова 34. Пребывали в ней управляющие поочередно лагерем Ганс Фуге, Арно Вруг, Эрлих Эндерс, а также периодически контролирующий их действия начальник немецкой уголовной полиции в Лодзи Карл Эрлих.

Начальник немецкой уголовной полиции в Лодзи Карл Эрлих инспектирует лагерь (Архив ИМП, Отдел в Лодзи).

Многие из заключенных в лагере детей классифицировались немцами как потомки «опасных бандитов», что означало, что их родители или опекуны были членами движения сопротивления. Оккупанты пользовались также неправомерным термином «асоциальный элемент», являвшимся эквивалентом немецкого *Asoziale*. В лагере определяли им, в частности, уголовных преступников, а также бродяг, уличных торговцев, хулиганов, воров и даже безбилетников и лиц, не соблюдавших комендантский час и уклонявшихся от работы. В лагерь попадали также дети с небольшим психическим или физическим недоразвитием. Среди заключенных находились также потомки лиц, которые не приняли немецкое гражданство или были свидетелями Иеговы. Иногда одной угрозы отправления ребенка в лагерь было достаточно, чтобы родители подписали список немецких граждан, что останавливало процедуру депортации. В Лодзь привозили также несовершеннолетних поляков из немецкого воспитательного центра в Гродкуве (нем. *Grodzow*) в Опольском воеводстве. Эти мальчики хорошо владели немецким языком, были дисциплинированы и поэтому часто становились дневальными или старшими по блоку. В общем счете ок. 38 процентов заключенных составляли дети из Силезии; их привозили преимущественно из Мысловице, Кетша и Погжебеня. Несовершеннолетние из Куявии и Великой Польши проходили через места заключения в Потулице, Кекше и Познани. Следующую большую группу заключенных представляли собой дети из Лодзи. В лагере пребывали также лица из Гданьского Поморья и Генерал-губернаторства.

Перевозка заключенных с Вокзала «Лодзь-Калиска» в лагерь (Архив ИМП, Отдел в Лодзи).

Немцы планировали, что единовременно лагерь вместит две тысячи заключенных, но самое большое наполнение отметили до лета 1944 г., когда в лагере были зарегистрированы ок. тысячи двухсот заключенных. Из этого числа надо, однако, вычсть свыше сотни девушек, которые, начиная с весны 1943 г., были направлены в земледельческий филиал лагеря в селе Дзержонзна недалеко от Згежа. Таким образом немецкие власти получили возможность обеспечить лагерь независимость от поставок продовольствия извне. Начиная с половины 1944 г., из лагеря выпускали все больше детей. Часть из них освобождалась благодаря родителям, которые подписывали фолькслист, других же направляли на работу в лодзинские фабрики или в немецкие предприятия в глубине Третьего рейха.

Проверка заключенных в женской части лагеря; за ними стоит лагерная функционерка Эугения Польш (Геновефа Пол) (Архив ИМП, Отдел в Лодзи).

Предполагалось, что в лагерь будут попадать заключенные в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет. На практике, однако, оказалось, что привозились также дети в возрасте нескольких лет, требующие постоянной заботы. Самыми маленькими занимались заключенные в лагере девушки, которые надзирали над зданием, называемым изолятором или «домом для маленьких детей».

Лагерь играл прежде всего роль «огромной мастерской», и поэтому первостепенной обязанностью заключенных была поддержка немецкой экономики и армии. Мальчиков чаще всего направляли на работу в т. н. «игольные», где они выпрямляли ткацкие иглы. В «лаптевой» они заплетали соломенные косы и сшивали их в бесформенную обувь для немецких солдат, сражавшихся в Советском Союзе. Кроме того, из лозы они изготавливали циновки, которые использовались в качестве подкладки под колеса военных средств передвижения, когда они грязли в болоте или в снегу. Мальчики сшивали также поврежденные рюкзаки и вещмешки, чинили военную обувь. В швальне шили элементы обмундирования и лагерную рабочую одежду. Этим занимались как мальчики, так и девочки, которые кроме того штопали простреленные или порванные мундиры. Некоторые девочки делали также искусственные цветы из бумаги, вязали на спицах шапки, перчатки, шарфы, а также вязали крючком и вышивали скатерти. Начиная с весны 1943 г., самых сильных из них отправляли в ок. 160-гектарное земледельческое поместье в селе Дзержонзна, где они работали в поле, ухаживали за сельскохозяйственными животными и отлавливали рыбу из пруда.

Реконструированное здание т. н. «игольной» (пункт «49») (Мультимедийная карта немецкого трудового лагеря для польских детей на ул. Пшемыслава в Лодзи/ИНП, Отдел в Лодзи).

Работа по более десяти часов в сутки была для детей непосильной. Они делали ее в стрессе, в очень плохих условиях; надзирающий за ними персонал часто их бил, морил голодом и унижал. Даже во сне они не могли отдохнуть, поскольку помещения в зданиях и бараках были нетопленными, нары – переполненными, а отсутствие надлежащих санитарных средств приводило к болезням кожи, а также к истинным эпидемиям вшей и блох. Кроме того, в начале 1944 г. в лагере вспыхнула эпидемия тифа, а зараженных детей лечили в инфекционной больнице на ул. Дворска 74 (нынешняя ул. Организации Волность и Независлость) на территории гетто. Заключенные умирали также от холода и голода, что было довольно частым явлением ввиду применения наказания карцером. Применялась также порка, являвшаяся постоянным элементом лагерной дисциплины. Плохо работавших детей клеймили красным крестом, который рисовали масляной краской на верхней одежде, и направляли в т. н. штрафную роту, где давали уменьшенный паек. Рота занималась преимущественно сносом домов, смолением крыш, чисткой уборных и трамбовкой лагерных аллей.

Самых маленьких детей отправляли из лодзинского лагеря в немецкие центры германизации *Lebensborn* в Людвико́ве и Пущи́кове, а также в т. н. *Gaukinderheim* в Калише. Иногда старших детей переводили в другие трудовые лагеря, как например лагерь в Потулице, или, когда им исполнилось шестнадцать лет, в немецкие концентрационные лагеря, в частности, в Гросс-Розен, Равенсбрюк или Аушвиц.

Лагерная фотография Эльжбеты Конарской, род. в 1933 г. в Познани; девочка попала в лагерь в возрасте 10 лет (Архив ИНП, Отдел в Лодзи).

Последним днем функционирования лагеря на ул. Пшемыслова стал 18 января 1945 г. Не состоялась тогда проверка, никто из охранников не выгонял детей из бараков. Они поспешно садились в грузовик и покидали лагерь. После их отъезда главные ворота со стороны ул. Пшемыслова остались открытыми. К Лодзи стремительно приближалась Красная армия, подразделения которой вошли в город на следующий день. В опустевшем лагере нашли лишь несколько сот ослабевших от голода и болезней и озябших детей. Двести из них, будучи сиротами, в последующие годы оставались в Лодзи, проживая в самом начале в здании Городской опекунской службы на ул. Коперника 36.

Артур Оссовский

(Начальник Отдела Бюро национального образования в Лодзи)